

Проклятье Иереми

Ничто и никогда в жизни Ери, как его называли родственники вследствие трудности произнесения полного имени, не шло как надо. Иногда мальчик в шутку говорил о своём проклятье. Всё то казалось смешно окружающим, хотя Иереми мыслил жизнь несколько иначе, за вызванной единственно неспособностью ребёнка держаться в обществе довольно бесчестно глупой вялой улыбкой скрывая недостаточно фактурную серьёзности трагического персонажа, однако довольную трупному зеленению ещё прокажённого удивлением от наблюдаемой несправедливости лица печать всегда подготовленного страха.

Жервеза была найдена уже разлагающейся: подобно явил себя миру и Иереми. Он не рождался, он начал жизнь свою с невезения, перво привлёкшего расстроенное раздражением внимание находящихся рядом. За непродолжительную жизнь свою он ни разу, кажется, не испытал того, что мог бы уверенно назвать радостью. Попадая на экзамен, Ере приходилось нескончаемо пересдавать его не из врождённой тупости и недоученности, но из обыкновенной случайности. Вероятно, родился он раньше, ему удалось бы обернуть происходящее в жизни в свою пользу хоть при разговоре, оправдав беззначительные неудачи суровостью порчи недоброжелателя. Однако Иереми был одинок. Иереми был так же одинок в своих неизбежных наказаниях за жизнь, как никто не стремился разглядеть в его личных бедах вещи, достойной упора серьёзного вдумчивого внимания.

Если возможно, чтобы экзаменатор устал и прекратил экзамен, выставив его продолжение на день отъезда студента, это произойдёт. Если возможно сломать ногу, упав с лестницы перед входом в здание, где будет проводиться экзамен, тому суждено случиться. Если мог на экзамене возникнуть случайно впутанный в общий круг билетов тот, что сбивал с известной темы на иную вещь, Еря резвой ученической выдержкой выдвигал предположение о смежности билета с уже известным: если в подобном случае экзаменатор мог спутать дерзко отвлекающегося от формата стройного ответа ученика с другим, злословным и наглым, и отказаться слушать его, это произойдёт.

Экзамен, формат контрольный, единственный в обучении и часто в жизни в целом решительный, очень показательно определял место Иереми: он имел право топтать общую землю и пить ту же воду, которую пьют остальные, однако на большее не мог даже надеяться.

Когда Еря подумал наконец поблагодарить бабушку и деда за заботу, перед встречей уже едва справляющиеся с управлением автомобиля пенсионеры, по ошибке заточённые на железнодорожных путях из-за ошибки дежурного по переезду, были сбиты пассажирским поездом. Двери машины оказались заблокированы вследствие сбоя в блоке управления. В этих смертях Иереми винил себя до конца жизни, в одну ночь всё же решив из неспособности

совладать с горем и виной нести это с улыбкой, радостно вспоминая чуткость бабушки и весёлое трудолюбие деда.

Неизвестно откуда и чем заразившись, в подростковом возрасте Еря заболел чем-то, симптоматикой схожим с обыкновенной простудой; в болезни этой Еря потерял способность различения вкуса.

Увлёкшись в пятнадцать лет одним современным писателем и придя на его чтения, он был высмеян любимым автором и множеством довольно заурядных своей тухлой ситуационной сборностью мужчин в крупной комнате пропахшей водкой и стеклом коммунальной квартиры. Высмеян он был одно из неудачно подобранной фигуры речи, вдруг удачно плеснувшей каламбуром в уме автора, не понявшего и не могущего понять вопрос мальчика.

Еря имел, казалось, почти все заболевания, что не вели к скорой смерти, да за тем поражали душу и тело, думается, даже более возможного человеку, регулярно на себе испытывающему сердцебиение. Каждые три недели мальчик страдал от приступов мигрени. Каждый месяц он тяжело простужался, проводя в лихорадке не менее пяти дней. Желудок, несмотря на стерильность питания и отсутствие в нём даже приправ, к седьмому классу оказался совсем плох, и самым безобидным итогом того была густая кислая вонь изо рта, что невозможно было вывести и на несколько минут.

Головокружения преследовали его так же часто, как и проблемы с зубами: однажды чудом возникший за четыре дня пульпит стал причиной сильных головных болей; и столь были разнообразны эффекты на его сознание, что того Еря даже не заметил. Зрение мальчика ещё в десятилетнем возрасте от стресса упало до необходимости носить очки с линзами тяжелее, чем выдерживающие давление на большой глубине часы, которые ему подарил отец, одержимый идеей ношения мужчинами часов, решивший пойти на это от значительных финансовых потерь: Еря часто мельтешил, вставал в ступор и падал, отчего одежда и аксессуары его сохранялись в целостности очень недолго. С рождения он имел словно стянутые бичёвкой связки, мешающие разгибать руки и нормально бегать. Постоянные боли в суставах локтевом, коленном и позвоночнике будто тянули его: будто земля хотела его и делала для этого всё, не имея на то, однако, полного права.

Еря хотел дружить с ровесниками, да он знал, что любое его движение опасно. Любое действие может стать причиной катастрофы, и в какой-то момент ребёнок решил чуть приоткрытыми посеребрившими веками грустно радоваться хоть имеющемуся. Он был благодарен давящим на него небесам за то только, что они не отобрали, подобно бабушке и деду, его родителей.

Ере нельзя было дышать: чуть шелохнётся из его вины прежде стройно стоящий ствол красного цветка, и вся страна заразится взбухшим на горизонте стыдом мальчика; всю свою жизнь он чувствовал царапающую его сзади скорым приближением катастрофу: не трагедию, могущую быть обращённой, но неизбежную страшную беду; вероятно, от остальных людей его отличало только это, и именно потому он не мог жить подобно прочим.

Иеремия понимал, что не имеет права жить: любое событие, связанное с ним, передавало ему несносимые власть и право на всё из худо порождаемого в нём; обнаружив в своём честном труде безобразный корень знания о будущей беде, мальчик сформулировал: более счастливым был бы тот мир, в котором менее всего Ери. Так он зарылся в одеялах родительской квартиры: это не вело к его деградации или калечному искажению души; Иеремия являлся достойным человеком, и потому даже в заточении он смог найти себе дело, по крайней мере, позволяющее сохранить потенциал ума хоть для воображаемой помощи ближнему в будущем.

Школьник вырос и вынужден был поступать: то не стало решением его души; поступление только продолжало его безопасное молчание. Иеремия имел единственный ориентир: он не должен рисковать и все дела его обязаны содержать как можно меньше отношения к нему самому. Так Еря отучился два года; теперь он находился в жестоком самодурственном университетском назидании пятого семестра, в середине октября на случай случайного предательства учебного заведения выучив наизусть все билеты настоящих дисциплин за прошлый год: чтобы сессия стала более контрольным, чем обучающим мероприятием, преподаватели отказались давать студентам в начале семестра вопросы к экзаменам.

Подобно обиженному коллеге, управленческое собрание университета показательной надменной вежливостью всё ещё стремилось отчислить как можно более студентов. Еря знал это: он знал много, ибо не мог позволить себе обратного.

Иеремия никогда ни на что не сетовал: он был слишком занят защитой от непрерывных жестоких ударов жизни, чтобы позволить себе восхваление титанизма собственного характера. Еря был и остался достойным человеком, и едва теперь, когда ему было уже двадцать лет, кто-то мог уличить его в неудачах или болезненности: молодой человек сумел даже с благодарной лёгкостью поддерживать то состояние, до которого медленным отупеванием доходят студенты третьего курса. Среди ветреных дурачливых детей молодой человек хмурного вида выделялся только всегда взбухшей гладкой веной на шее: только она договаривала за него, только она показывала, сколько испытаний он преодолевал и преодолевает для одной лишь незначительной простой вещи.

Иеремия не должен был более сталкиваться с трудностями, уподобляющимися предшествующим, ибо теперь он готовил сразу несколько ходов для отступления и альтернативных вариантов в любом деле: теперь он продумывал и знал всё, что имел возможность и право узнать; он был сильным человеком, имеющим вполне реализуемый план, основанный на довольно большом болезненном опыте.

Из всего именно его проклятье стало причиной, по которой он оказался связан с Человеком, антагонистичным монашеской верности Ери доброму и радостному даже среди лишённой сияния звёзд черноты; с тем, кто, подобно Ере, продирает дрожащим непробиваемым усилием судьбу с одним только различием: не Человек этот подстраивал себя под обстоятельство, но, кажется, весь земной мир подчинялся его неуязвимой, зияющей золотистой радугой власти; именно в связи со своим проклятьем Иеремия встретился с Сергеем Росой.

Опалённая жёлтыми огнями еле выглядывающего солнца сухая трава шипя чвакала и шепеляво шуршала под весом тяжёлой, обматываемой растёкшимися мутными каплями обуви. Конец марта оказался достаточно холодным: только то отличало его от января, что снег испарился, а большая часть следов от него окончательно высохла, обнажив острые прутья сбритой холодом земли. Всё не стремилось к чему-то, но подталкивалось человеческим ожиданием: люди устали от тёплой зимы и нелепой своей сухой морозностью весны; нечто должно было измениться: люди верили в это, хотя, в существе своём, ни прогнозы, ни редко проверяемое пожилыми людьми давление не говорили о скорых переменах. Подобно военному времени, в холодную весну человек готов поверить во что угодно, лишь бы не сталкиваться с реальностью: все охотно верили, будто вот-вот слетят с земель наших редкие неприятные лужи и придёт обжигающее новиоповой запоздавшей веселостью солнце.

Сухой гридеперливый, скроенный смятыми комьями асфальт грубо шоркал о лениво таскающуюся подошву; настоящее состояние походило больше на отупение, когда мне то виделось самым приятным отдыхом. Возникшие справа толстые деревья вырисовывали между собой еле темнеющую заметностью рябой тени дыру: лишне помывшись о движении своих стоп, я ввернул их вперёд и направился к золотистому темнотой смятого мусора пятнышку. Движения мои были внешне вялыми и слабыми, однако именно тому я и подобен в состоянии несколько менее напряжённом, чем обычно.

Колючки неожиданно возникших сбоку бурдовых кустов скрывали за собой срезанное кривой, падающей налево звездой пространство: немного пригнувшись, я прошёл под длинными белыми ветками, случайно коснувшимися произвольно сведённых лопаток чуть слышным шорохом. Асфальт не шёл сюда, обрываясь круглыми рыхлыми кляксами ещё у деревьев; здесь земля была влажнее и мягче: сперва показалось даже, словно сапоги мои тонут

в чёрной, сбивающейся лучами ударяющего в глаза солнца вязи, да, скоро привыкнув, я уже не обращал внимания на тягучесть смешанной с редкими плешами короткой травы дорожки.

Труба: большая труба, обёрнутая вываленной толстыми бубнами ватой, укатывалась в огранённый очерневшей рамой изгиб длинных голых деревьев. Мусор под ней словно поддерживал её: коричневая ржавчина оголённого металла трубы переходила на коррозионные отверстия в длинных, сваленных, вероятно, из одной только лени бившего владельца уголках. Здесь оказалось много мусора, однако ещё более росло кустов, некогда длинной травы и укрывающих всё пространство над трубой деревьев; в мае подняться на неё было бы уже затруднительно, хотя сейчас окружающая пустота скорее настораживала честной открытостью опасных мест. Приближаясь, я замечал прежде замыленные моей отдалённостью детали: частые острые складки ленты и откусанные шмотья запечённой жаром солнца и грязью пыли пены отбрасывали полупрозрачные шумные тени на осколки разбитых, небезопасно выставленных в ряд у возвышения бутылок. Бетон выковыривал из себя сохранившиеся во времени гладкие, подставляющиеся перед тяжестью железного обруча камешки.

Я подошёл ещё ближе и коснулся едва тёплой скомканной поверхности грязной чёрной плёнки. Случайно завернув шоркнувшую о жёсткость джинсов куртку, я неестественно приподнял правую ногу и с усилием завалил её на смятый временем бетонный уголок.

Опёршись на передние пальцы напрягшейся, ещё ощупывающей подошву стопы, я схватился за торчащий сверху сук растущего с противоположной стороны и оттого прочно держащегося на трубе дерева: робко выправляя себя к левой стороне силой правого бедра и ещё ожидая левым удобным случаем, я сорвался с треснувшего сука и схватил трубу за чуть мягкое углубление, позволяющее пока не касаться пены, но уже вполне прочно держаться за выдавленный рукам пухлый шар чёрной кожаной поверхности. Я привстал обеими ногами и передохнул: воздух отяжелел сбивчивостью моего дыхания; я коснулся верхней части трубы и попробовал закинуть на неё правую ногу: труба не поддавалась, но я, несколько за тем не рискуя, подпрыгнул, держа одну из веток и видя сейчас возможные удачному падению места, скорее лишь более удобные овладению тёплой гладкой твёрдости трубопровода. Я соскользнул, зацепившись за замеченную прежде вмятину тряпичной ткани: та сорвалась и уронила меня на землю, на которой я ранее как раз и высмотрел редкую область без осколков зелёных пивных бутылок. Сгруппировавшись, удалось почти не почувствовать падения на бок, но при тут же последовавшей холодной готовности попытке встать я поскользнулся на выдавленной будто одно для этого момента влажной земле и начал падать на кряхтевшие лезвия осколков. Перед этим я усмотрел за собой уже схваченную рейку, на которой держался, выправив себя в стройный изгиб, вытянутый прямо перед расходящимися красным блеском

иглами бутылок. В момент этот я также сложил к пальцам рукава толстовки, ибо знал, что крупные занозы в подобном положении могли быть сейчас довольно неудобны. Действительно, подвинув ногой беспорядочно угрожающие куски стекла, чтобы встать с полной опорой на уже поросшую зеленью землю, я заметил в рукавах три пятисантиметровых острых деревянных наконечника. Держа теперь мокрую, да относительно крепкую рейку, я обеспечил путь к предоставленному уже меньшими преградами бетону. Я поднялся на него, и в момент этот рейка, ничего не касающаяся, беспризорной тишиной лежащая в моей руке, резко выстрелила, разломавшись и ударив за моё колено, отчего пришлось подкоситься и свалиться назад: я усмотрел ещё по первой попытке восхождения выгодно стоящие в таком случае стволы молодой, неуместно оказавшейся среди нагромождений осин лиственницы. На стволах были свободные от игл области, за которые, контролируя то скорее ловкостью, чем умом или прогностическими способностями, я схватился сзади; упражнения с гантелями подготовили меня к этому движению, и я снова прильнул к состарившейся ленте трубы. Тогда сильно заболели колени мои и желудок, так даже, что хотелось окончательно согбиться при гладкой длине трубы; головная боль вернулась колющей резью, и я достал двумя движениями прежде лишьотяжеляющий моё восхождение рюкзак.

Золотистая решётка молнии была едва расцеплена усилием на нетяжёлую хрупкую собачку, при этом оторвавшуюся и чуть опрокинувшую меня назад: удержав равновесие, я зычно плюхнулся рукой и телом на чёрные пошарпанные ленты и пронзил рукой небольшое отверстие, образовавшееся из едва сработавшего напора собачки. Я порезался о лёгкие металлические скобы, да за тем карман открылся: неудачно отодвинув его стенку, я вывалил ключи, карты и таблетки в осколки, к которым спустился, едва прижимая на всякий случай ноги к земле добавочным усилием. Снова поранившись уже об осколки, пришлось вытереть кровь с помощью мельтешащих рядом листьев, что после коснулись лица моего и влезли под веко. Я вернул всё в главный большой карман и проглотил, смочив густой пенистой слюной, три таблетки.

Обыкновенно таблетки я держу в небольших контейнерах не из необходимости регулярного приёма, но из стремления размешать обыкновенные пустышки с лекарствами: если пришлось бы принимать столько лекарственных препаратов, сколько я выпиваю обыкновенно и сколько мне прописано, организму моему наносился бы довольно большой вред. Не всегда приём таблеток помогает, да за тем всегда удаётся хоть немного расслабиться, хоть попытаться обмануть сильно сомневающийся и в действенности лекарств ум.

Я снова наступил на бетон и уже обмотанными бинтом из основного кармана пальцами придавил под собой трубу: дёрнув ветки с обратной и моей сторон, удалось встать на неё коленями; тогда, аккуратно выравниваясь, я наконец смог подняться. Восхождение на трубу

было не сильно проблемным: по крайней мере, получилось забраться без значительных потерь, что могут предостерегать меня и в любом другом деле, нисколько моим личным интересам не отвечающем. Я давно хотел прийти сюда.

Поступая, я всё же решил переехать: родной город мой достаточно невелик и скромн, да более всего давления оказали именно родители; казалось, не зная о моих трудностях в быту или умышленно игнорируя их, они ещё наслаждались незатейливыми, естественными пережившему тяжёлое время человеку мыслями о случайном успехе безнадёжного ребёнка. Мои родители ничего не знали об этом городе и даже, видимо, несколько побаивались его, в разговорах со знакомыми хваля свою способность содержать единственного сына в таком большом, находящемся на слуху месте. Я благодарен им за это, хотя никогда того и не хотел: единственное, что я могу сейчас делать, есть честный труд и предельно возможные в настоящих условиях усилия. Я знаю, что в жизни бывает страшное множество непредвиденных обстоятельств и трагедий, никак не зависящих от воли отдельных людей, тем более обыкновенного неудачливого уступчивого студента; да с тем ещё проще осознать, что умеренное аккуратное усилие моё не сделает хуже. Если есть возможность сделать мою жизнь и, соответственно, жизнь родителей лучше, я на это пойду: я редко жалел о никак не выражающем меня усилнии и, хотя не столь же, как о решительном действии, много жалел о трусливом даже мне бездействии. Здесь нужно быть аккуратным: необходимо выточить и в подсознании своём грань решения так, чтобы души моей как бы не было: чтобы существа моего было как можно менее; чтобы я не совершал решений души. Исключений, подобных сегодняшнему, необходимо допускать как можно меньше.

Меня взяло одно из сильнейших чувств, любовь к искажённому неблагодарностью настоящего прошлому. В моём родном городе нередки были подобные места: внешне безобразные, даже находящие для себя самых тупых и злых беспризорников, однако за тем всё же иным ночным утром чрезвычайно красивые, будто значительно более живые, чем культурная, избавленная от нечистот искусственной порядочностью площадь.

Я шёл: медленно балансируя и вытягивая спереди длинную прочную, упирающуюся в еле продавливаемую ленту трубы палку, я сильно рисковал, но виды сплюснутых вмятиной озера деревьев, неизвестных ранее пятен длинных тропинок и новых глазу крупных рвов в стороне отвлекали от всегда присутствовавшего риска. Шаг мой продолжался удивительно долго с тем ещё, что сегодня мне как будто везло: таблетки сработали, и головная и желудочная боль почти прекратились, а колени зудели щёлкающим скрипом уже не так сильно; я понимал: рано или поздно, думается, я упаду с трубы, но сейчас, пожалуй, пора отказаться от пусто распыляемой дрожи по поводу собственной безопасности: я не буду

сбегать от вероятной болезненной травмы и сокращу иные риски тем именно, что уверенно приду к падению с трубы. Так я решил идти до тех пор, пока не упаду с неё.

Костяные букеты часто скученных длинными полосами голых деревьев выковывали из желтоватого сена пучки неаккуратно смятых пузырей немного осеревшей земли. Сдавленные металлические банки стали даже некоторой редкостью: рядом с трубой лежало всё менее мусора и всё более неожиданных неровностей ландшафта. Ере нравилось отличие рельефа от болотной равнинной местности, на которой он провёл большую часть жизни; именно потому, вероятно, хождение по трубе его так увлекло.

Еря не был человеком, которого хотелось пожалеть: смело справляясь со своей проблемой, он умел и имел гораздо более остальных; часто им почти восхищались, в иной момент видя совершенное падение его возвышенного образа, и удивительно, что даже самых небрежных людей он случайно заставлял испытывать к себе уважение.

Готовый за одну минуту нелепо разбиться насмерть и совершить героический подвиг, Иеремия Проклятый создавал совсем иное впечатление, нежели остальные люди. Так, продолжая идти по грязной, иногда мокрой и вонючей трубе, он всё же упал, расшибив себе голову о замаскированный под неудачно лёгшей травой камень. Еря потерял сознание на пару минут, придя в него совершенно холодным умом: подобное случалось не единожды, и потому только разбавленные запёкшейся пустотой воздуха разводы крови у виска говорили о неудаче. Домой он пошёл пешком: путь занял два часа. Вероятно, уже несколько преувеличивая, Еря всегда решал добираться до дома пешим ходом, боясь обрушить на остальных пассажиров автобуса тяжесть своей беды. Расстояние это он преодолел без особенных происшествий: расшибив голову и недолго провалявшись у мусора, Иеремия нисколько не сетовал на судьбу; напротив, он даже радовался лёгкости наказания за решение: сегодня он пошёл навстречу прежде лишь уныло блестящей вдалеке угрозе, и действие это не было тем, что изменило бы его или дало сил к началу новой жизни. Еря планировал это: именно события столь удачно подвернулись под него.

С головной и коленными резами, болью в желудке, головокружением и с рассечённой головой, молодой человек шёл совершенно радостно, и то только смущало его, что нависшая на лице улыбка была именно его решением: вещью, насыщенной потенциальной опасностью. Он шёл порядочной скромностью и с тем почти припевающе; он был готов помочь близкому, однако в глубине души его скрытой обидной всё же горячело иногда истерическое молчание. Иеремия тоже, как и все остальные, хотел знать ответ. Молодой человек имел право знать, почему всё именно так. Почему он был проклят?